

Глава 10

Ли Жун решил воспользоваться проверенным предлогом — сослаться на боли в желудке. Он отправил личное сообщение Ян Фанфан, чтобы отпроситься с занятий.

[Ли Жун: Учитель, сегодня выпил немного красного вина, теперь ужасно болит желудок, боюсь, временно не смогу прийти в школу.]

[Ян Фанфан: ???]

С тех пор как Ли Жун вернулся, Ян Фанфан потеряла покой и сон. Раньше она считала, что иметь такого ученика — великая честь и венец её карьеры. Юноша был одним на миллион, и она надеялась, что, когда он добьётся успеха и навестит школу, его слава озарит и её.

Но теперь всё изменилось. С его возвращением проблем становилось всё больше. Женщина всерьёз опасалась, что любой неверный шаг Ли Жуна может бросить тень на её профессиональную репутацию.

[Ян Фанфан: Ты что же, не пойдёшь на послезавтрашний пробный экзамен?]

[Ли Жун: Если успею поправиться — приду. Если нет, то тут уж ничего не поделаешь.]

В конце концов, он не помнил точно, когда именно Ли Байшоу опубликовал свою статью, поэтому ему нужно было подать рукопись в журнал раньше, чем тот доберётся до жёсткого диска его отца через следственную группу. К счастью, написание научных трудов стало для него привычным делом — если поднажать, черновик будет готов за пару дней.

[Ян Фанфан: Этот пробный экзамен невероятно важен! По уровню сложности он максимально близок к государственному экзамену. Я знаю, что ты блестяще учишься, но ты... ты пропустил слишком много. Я бы очень хотела, чтобы ты воспользовался этой возможностью и проверил свои силы.]

Староста был полностью согласен с её доводами.

[Ли Жун: Проверять нечего, я наверняка скатился.]

Всё-таки он не прикасался к школьной программе пять лет. Знания, накопленные с детства или те, что требовались для исследований, остались при нём, но те специфические темы, которые никогда не пригождались в реальной жизни, порядком стёрлись из памяти. Его нынешние результаты явно будут хуже тех, что он показывал в семнадцать.

Ян Фанфан, увидев, что их мнения сошлись, наконец почувствовала привычную уверенность

классного руководителя. Она тут же зажала кнопку записи голосового сообщения, чтобы прочитать нотацию:

— Вот именно! Тебе нужно выявить свои слабые места, чтобы в ходе общего повторения сосредоточиться на пробелах. Учитель верит, что с твоей базой...

Она ещё не договорила, а на экране уже высветилось следующее сообщение.

[Ли Жун: Боюсь, в этот раз мне не удастся обойти второго ученика в рейтинге на целых пятьдесят баллов. Что ж, придётся с этим смириться, я не особо переживаю.]

Фьють.

Голосовое сообщение отправилось. Ян Фанфан с молниеносной скоростью его удалила.

[Ли Жун: ?]

[Ян Фанфан: Просто отдыхай...]

[Ли Жун: Хорошо :)]

На следующий день место Ли Жуна по-прежнему пустовало. Ян Фанфан, боясь лишних сплетен среди учеников, перед обеденным перерывом кратко пояснила ситуацию:

— У старосты разболелся желудок, он на больничном. Сосредоточьтесь на подготовке к экзаменам и не забивайте себе голову пустяками.

Услышав это, Цэнь Сяо слегка нахмурился. Когда он уходил вчера вечером, Ли Жун хоть и не был полон сил, но уж точно не выглядел настолько больным, чтобы пропускать занятия. Что он опять затеял?

Цзянь Фу фыркнул и, лениво подойдя к парте Цэнь Сяо, прислонился к ней плечом.

— Надо же, какой нежный цветок. Не успел и пары дней продержаться, как завял. Вчера вечером так выпендривался, я уж думал — восстал из пепла.

Цэнь Сяо поднял глаза, и его язык медленно скользнул по коренным зубам.

— Кого ты вчера назвал дебилом?

Тот опешил:

— А?

Юноша выставил большой палец, указывая на пустое место старосты:

— Он больше недели в школе не показывался. Кто знает, может, у него после отравления газом мозги спеклись? Искать у него помощи в такой момент — ну разве не дебилизм?

Группа учеников во главе с Цуй Минъяном неожиданно поддержала эти слова. Как только классный руководитель вышла, один из них тут же ядовито заметил:

— По-моему, у него не желудок болит, он просто боится приходить на экзамен. Боится опозориться, если завалит.

— Согласен. Ещё и деньги с одноклассников берёт. Если сам напишет плохо, с какой рожей будет их забирать?

— У него в семье такой кошмар случился, а он делает вид, будто ему всё нипочём. Вы в это верите? Лично я — нет.

— Просто цену себе набивает. Чем больше строит из себя безразличного, тем сильнее на самом деле трусит.

Цзянь Фу это надоело. Он мог сам ворчать на Ли Жуна, но терпеть не мог подпевать этой компании из «Хунсо».

— Хотите злословить — делайте это сами, нечего за мной повторять. Тошно слушать.

Цуй Минъян усмехнулся и бросил многозначительный взгляд на Цэнь Сяо:

— Цзянь Фу, ты ведь ещё не знаешь, кто именно купил консультации у него? Хочешь угадаю?

— Твои зенки сейчас на лоб полезут, по-твоему, я слепой? — огрызнулся собеседник.

Он действительно не ожидал, что «клиентом» окажется Цэнь Сяо, но, поразмыслив, признал, что в этом есть логика. С тех пор как в семье Ли случилась беда, Цэнь Сяо уделял Ли Жуну слишком много внимания. Друг несколько раз пытался его предостеречь, но всё впустую. Впрочем, Цэнь Сяо всегда был куда проницательнее и скрытнее, и если он что-то задумал,

значит, у него есть на то веские причины.

Для Цуй Минъяна отказ в прошлый раз стал занозой в сердце. Не то чтобы он так уж жаждал сблизиться с «Ланьшу», но тот факт, что Цэнь Сяо предпочёл ему нищего старосту, казался нестерпимым оскорблением.

— Встать на его сторону — значит в итоге оказаться обманутым, — небрежно бросил он. — Люди меняются, когда опускаются на дно. Самые благородные личности становятся мелочными и грязными.

Цзянь Фу опасно оскалился. Если этот выскочка скажет ещё хоть слово о высоких материях, он пустит в ход кулаки. Но прежде он не удержался и обернулся к Цэнь Сяо:

— Брат, ты реально пошёл к нему за репетиторством? И что, есть толк от этой затеи?

Юноша страдал от ужасающей неуспеваемости по многим предметам, и его средний балл оставлял желать лучшего. Однако у него было приглашение от Университета А по спецнабору: его способности к быстрому счёту могли посоперничать с компьютером. Первый район «Ланьшу», отвечающий за IT-технологии, отчаянно нуждался в таких кадрах.

— Есть. И огромный, — ответил Цэнь Сяо, а затем перевёл ледяной взгляд на Цуй Минъяна. — Ты думаешь, я тогда шутил?

Торжествующая ухмылка сползла с лица провокатора. Он мгновенно вспомнил предупреждение, сделанное Цэнь Сяо в коридоре. Сегодня он явно потерял бдительность, забыв, что этот парень — непредсказуемый безумец.

Стоявшие рядом с Цуй Минъяном не поняли сути разговора и, похлопав его по плечу, спросили:

— О чём это он? Откуда у тебя связи с ребятами из «Ланьшу»?

Цуй Минъян глубоко вздохнул и сделал Цэнь Сяо жест примирения:

— Я просто хотел предостеречь. Я и сам могу догадаться, какие темы Ли Жун выделит как основные, но поднять уровень знаний за пару дней невозможно. зубрить только то, что часто встречается в тестах — это пустая погоня за удачей. В конце концов, экзаменационные листы для госов составляют не те учителя, что делают эти пробные экзамены.

Цэнь Сяо поднялся с места.

— Если ты не можешь поднять свой уровень, то проблема, скорее всего, в твоём интеллекте.

Он бросил взгляд на Цзянь Фу и направился к выходу. Тот поспешил следом и, когда они отошли достаточно далеко, прошептал на ухо:

— Брат, ты слишком в него веришь. А если прогресса не будет? Тот, конечно, крут, но не стоит его обожествлять. Он всего лишь смертный, который недавно перенёс отравление и едва на ногах держится...

Тот самый «болезненный смертный» всё же явился на пробный экзамен. Выглядел он неважно: болезненный вид усугубляли отчётливые тёмные круги под глазами.

В тот день шёл сильный дождь, похолодало, и юноша пришёл в тёплой куртке. Он плотно запахнул воротник, пряча подбородок в ткани. Но даже так его била дрожь, и время от времени он мучительно кашлял. От кашля его глаза краснели, а лицо становилось мертвенно-бледным.

Он почти не спал вчера, заканчивая статью, и едва выкроил время на экзамен. Его и без того хрупкое здоровье дало сбой: к болям в желудку прибавился жар.

Экзамен длился весь день. Ли Жуна дважды тошнило в туалете, он держался только на жаропонижающих и голом упрямстве. К вечеру, когда пришло время самоподготовки, его сознание начало мутиться.

Цэнь Сяо не сводил с него глаз с самого утра. Когда он, добравшись до своего места, в изнеможении уронил голову на парту, собеседник наконец заговорил:

— Удивительно, как ты до сих пор жив.

Лицо Ли Жуна горело нездоровым румянцем. Услышав знакомый голос, он приоткрыл глаза и что-то невнятно прохрипел:

— Да уж, непросто...

Цэнь Сяо не знал, чем именно староста занимался дома, но то, ради чего он так надрывался, определённо было делом исключительной важности. Однако Ли Жун не стал ничего рассказывать в тот вечер, а Цэнь Сяо не собирался пытать.

Он коснулся костяшками указательного пальца его лба, прикрытого растрепавшимися прядями. Жар был ощутимым. Он убрал руку, на мгновение сжал ладонь в кулак и сглотнул.

— Это не такой уж важный экзамен. К чему так убиваться?

Ли Жун медленно открыл глаза и с трудом приподнял голову. Его голос звучал слабо и безжизненно:

— Могу поспорить, вчера они только и делали, что перемывали мне кости. Мол, я точно провалюсь, поэтому нарочно прогуливаю и обманываю одноклассников на деньги.

Его белки глаз были прочерчены красными сосудами, в уголках блестела влага. Тонкая прядь волос запуталась в ресницах, заставляя веки подрагивать; слёзы кружили по краю зрачка, грозя вот-вот сорваться вниз.

Цэнь Сяо промолчал. Ли Жун угадал поразительно точно — слова Цуй Минъяна почти не отличались от этой версии.

— Я не мог позволить им торжествовать, — с бессильной яростью выдохнул юноша. — Как только представлю, как их перекосит от моих результатов, сразу нахожу силы бороться до последней секунды.

Он не был настолько великодушен, чтобы игнорировать чужую подлость, и не был настолько слеп, чтобы пускать всё на самотёк. Просто в прошлой жизни он был слишком высокомерен и считал ниже своего достоинства тягаться с мелочными людишками. Но спустя годы, пройдя через все испытания, он понял: тот, кто не способен защитить даже себя, не имеет права на святость.

Сказав это, Ли Жун снова бессильно повалился на стол, мучительно морщась. Стоило только дожидаться подтверждения из учебной части, что со сданными листами всё в порядке, и он сможет уйти домой.

Видя, как староста близко к сердцу принимает выходки шайки Цуй Минъяна, Цэнь Сяо ощутил нарастающее раздражение.

— Идём в больницу, — холодно приказал он.

— Не пойду, — без колебаний отрезал Ли Жун. В его голосе прорезались строптивные нотки — обычно он умел держать себя в руках, но сейчас из-за лихорадки и боли он был на пределе.

Цэнь Сяо повысил голос:

— Что ты сказал?

Он редко проявлял о ком-то заботу, и его никогда прежде не волновало чужое самочувствие. Ли Жун же, окончательно потеряв терпение, уставился на него покрасневшими глазами:

— Ты всегда такой... Вечно не можешь быть хоть капельку добрее ко мне.

В прошлой жизни было так же: его настроение постоянно менялось, а в определённых делах он и вовсе становился безумцем; стоило атмосфере стать мирной, как он в мгновение ока менялся в лице.

Цэнь Сяо лишь промолчал.

Глядя на его измученный вид, Цэнь Сяо решил не вступать в спор. В этот момент в класс вошла Ян Фанфан:

— С бланками всё в порядке. Вы трудились весь день, теперь возвращайтесь домой. Будьте осторожны в пути.

Ли Жун был в полузабытьи, его дыхание после вспышки гнева всё ещё оставалось прерывистым. Услышав слова учительницы об экзаменационных листах, он вдруг замер, и на его лице отразилось неловкое осознание. Подавив раздражение, он поднял взгляд своих влажных глаз и, прикусив бледную, сухую губу, проговорил слабым, но мягким голосом:

— Цэнь Сяо, ты ведь хорошо заполнил листы? А то они точно станут болтать, что я плохой учитель.

Собеседник не знал, злиться ему или смеяться.

— А чему ты меня научил?

Он заказывал ему еду, давал деньги, но в ответ не услышал ни одного совета по учёбе и даже ни разу не обнял его за талию. А теперь этот парень хватается наглости требовать от него высоких баллов.

Ли Жун мучительно прижал ладонь ко лбу, опираясь локтем о парту. Его плечи мелко дрожали.

— Голова кружится... Кажется, мне всё-таки нужно в больницу.

<http://bllate.org/book/15351/1415935>